

День придет, еще повстанут люди...

Культура - 1996. - 8 мая. - С.3.

Май. Весна. Жизнь начинает новый круг под солнцем. И когда все пробуждается, особенно горько чувствуешь, что этого не увидят те, кого нет с нами. В 45-м победном, когда закончилась война, так буйно все цвело в том мае, что поверилось после всего пережитого: смерть отступила перед жизнью, эта война — последняя.

Григорий БАКЛАНОВ

Но минуло полвека с лишним, а войны гремели и гремят, малые, средние войны. Все эти десятилетия, пробуя силы, с разных концов подступались к третьей мировой войне, подступались и не решались начать. О ней подумывали, как оказалось, в ходе длившейся войны, тогда уже примерялись. В апреле 45-го на приеме югославской делегации Сталин обрисовал наше светлое будущее: "Война скоро кончится, через 15-20 лет мы оправимся, а затем — снова!" 20 лет — как раз тот срок, за который подрастет новое поколение, рожденное после войны, и можно будет обрядить его в солдатские шинели, и снова — в бой, и снова — в бой...

А в Китае, где народ перешагнул миллиардный рубеж и был для Мао, что песок речной, он произносил безумные речи: небольшая, мол, потеря, если ради великой цели погибнет даже половина человечества...

А в Америке уже нанесены были на военные карты наши города для первого упреждающего атомного удара. Надо полагать, и наши ракеты нацелены были не только в космос. Человечество продолжало жить по старым меркам: хочешь мира, готовься к войне. Сколько раз эта логика уже приводила не к миру, а к новым войнам. Впрочем, человечество не спрашивало: ни раньше, ни теперь. Начало войн, как говаривал Черчилль, не зависит от желания народов.

Что же убергло нас от третьей мировой войны? Разум возобладал? Нет, страх. Страх всеобщего уничтожения. А бывало, близко к краю, на самом лезвии балансировал мир. И думалось иной раз: может, хорошо, что они всего этого безумия творившегося не увидели, не узнали? Но — нет. Нам, кто прошел войну и жив остался, дарована была вторая жизнь,

а с нею вместе все: любить, детям радоваться, внукам, знать дружбу и предательство испытать, беды, горести, крушение идеалов — все вместе это и есть и была жизнь, и в ней должно было достать мужества быть и оставаться человеком. А они... Помните эти строки Твардовского из его пережитого время "Я убит подо Ржевом"?

*Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;*

*Я — где крик петушинный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;*

*Где травинку к травинке
Речка травы прядет, —
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.*

Мать уже не придет. И жены состарились. А у нашего поколения, кому сегодня восьмой десяток пошел, а тогда — семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, — откуда же у нас могли быть жены? Верилось с детства, что над каждым где-то в незримой вышине горит его звезда. И пока не погасла она, не сорвалась, сжигая небеса, тебе отпущено жить.

Небо все такое же звездное, а они только и остались в нашей памяти. Да еще иногда молодыми являються во сне.

Как великую мудрость запомнили мы со школы слова Тургенева: без каждого из нас родина обойдется, мы не обойдемся без родины. А на фронте увидели: родина не обойдется без нас, кроме нас самих, защитить ее некому. И так случилось, что, имея к началу войны и танков, и самолетов, и артиллерию несравнимо больше, чем было у немцев, вскоре нам и воевать стало нечем.

Были дни под Москвой, враг стоял уже у стен столицы, а ни один завод в стране не выпускал снарядов: часть заводов осталась на захваченной у нас территории ("территория", страшно даже произносить: это родина наша, это люди наши, оставленные на милость победителя), другие — в эшелонах увозили в тыл, третьи строили на морозе под открытым небом. Экономил снаряды, не хватало даже винтовок, жизнями своими московские ополченцы, сибирские дивизии и то, что осталось от кадровой армии, — все вместе отстояли Москву, одержали первую и, может быть, решающую для всей войны победу.

За полвека с лишним приблизились ли мы к пониманию минувшей войны? С первых дней ее назвали Отечественной, с первых часов стало ясно: решается не судьба отдельных сражений, решается судьба страны, судьба народа. После долгих лет, когда с песнями и победными маршами проходили мы стройными колоннами под приветствующей рукой вождя, а по ночам по одному выдергивали из квартир,

из домов безвинных, и черные воронки увозили их, а жен представляли отрезаться от мужей, и павлики морозовы становились примером и образцом сыновьяго долга, после всего этого ужаса, накрывшего страну, народ впервые взял свою судьбу в свои руки, сплотился и победил.

Минуло с тех пор полвека с лишним, а истории Отечественной войны, осмысления всего, что ей предшествовало и последовало за ней, по-прежнему нет как нет. Разумеется, издавались и однотомники, и многотомники, и чем шикарнее выглядели они, тем меньше в них было правды. Славил Генералиссимуса при жизни, потом отодвинули в тень, потом снова славил, как будто не он истребил лучшие кадры армии, обезглавил ее перед войной, как будто не по его вине страна в 41-м году оказалась на грани катастрофы. Но пирамиды без вершины не бывает, а так выстраивалось сияющее сооружение все сплошь в мундирах и орденах: "города сдают солдаты, генералы их берут..." Под надзором сменяющихся министров обо-

роны, под недреманным оком ЦК КПСС все многократно и многократно сочинялись истории. И вот грянула гласность. И решено было в десяти томах написать все заново, саму правду. Но первый же том еще не выйдя из печати, подвергся разгрому, и тогдашний начальник Генштаба заявил, как отрезал: историков мы не подпустим к архивам!

И все же появляются то один, то другой документ, на которых, как могильная плита, лежал гриф: "Совершенно секретно". И качнулся маятник в другую сторону. Нас ждут поразительные открытия, нас ждут сенсации, но время подлинного осмысления и правды, по-видимому, еще не настало. А пока что уходят из жизни последние участники великой войны. Да и их память, многократно облеченная пропагандой, не всегда достоверна.

Пережили время немногие художественные свидетельства солдат и офицеров, которые видели войну не на картах и планах, не такой, как она рисовалась в воображении, а с поля боя. И первой такой книгой была честная исповедь Виктора Некрасова "В окопах Сталинграда". Она и оказала самое сильное влияние на литературу о минувшей войне.

"Война и мир" нашего времени не создана да и вряд ли будет создана когда-либо. Возможно, автор ее остался на одном из полей сражений вечно молодым. Да и время другое, слишком быстрым стал его бег, все новые проблемы, одна грандиознее другой, грозят отодвигая бывшее в историческую даль. Но так же, как образ Отечественной войны 12-го года запечатлен в нашем сознании роман Толстого, так, может быть, еще долгое время о минувшей Отечественной войне будут узнавать по художественной литературе, по тем немногим честным книгам, которые пережили эти полвека.

Жизнь есть жизнь, и ближние беды и неурядицы заслоняют людям то, что было когда-то. Но предсказывал Твардовский: "День придет, еще повстанут люди в памяти живой". И во всей простоте и величии заново откроется подвиг нашего народа в Отечественной войне в память о павших, в пример грядущим поколениям.

Фото С. МАЛ'ГАВКО